

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ЭВАКУАЦИИ

К открытию университета в г. Фрунзе Кыргызская Республика готовилась в конце 30-х годов прошлого века. База для открытия была – Педагогический институт. К тому времени здесь было 6 факультетов, вечернее отделение, создан учительский институт. На всех факультетах и отделениях учились более 2500 студентов. На 19 кафедрах работали 117 преподавателей. Правительство приняло решение открыть университет в 1942 году. Для этого будущему университету были выделены два трехэтажных здания на проспекте Дзержинского (сейчас Эркиндик). Построено общежитие для студентов на ул. Западной (Турусбекова). Заканчивалось строительство главного университетского корпуса.

Но планы нарушила начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война. Были призваны в Красную Армию более 250 студентов и преподавателей института. Многие студенты вынуждены были прервать учебу из-за трудностей материального порядка. К сентябрю 1941 года в Институте остались всего 1540 студентов и 56 преподавателей.

Эвакуация из западных регионов Советского Союза в Кыргызстан промышленных предприятий, научных учреждений, вузов, военных госпиталей требовала выделения для них необходимых помещений. Проявляя традиционное гостеприимство, Педагогический институт уступил для этого весь свой жилой и учебный фонд. В его зданиях разместились госпитали и Военно-инженерная академия имени В.Куйбышева. Сам же институт тоже включился в эвакуацию и переехал в г. Пржевальск (сейчас Каракол). Всю сложную работу по переезду, обустройству и организации работы на новом месте возглавили директор Султан Арабаев и секретарь партийного бюро В.В. Липович.

Институт разместился в здании Учительского института. До Октябрьской революции это было здание гимназии. Под общежитие пограничники уступили студентам одну из своих солдатских казарм. Через год под студенческое жилье были использованы пустовавшие помещения магазинов на торговой площади города.

Преподаватели со своими семьями устраивались на частных квартирах. О многих из них, деливших с нами, студентами, все трудности эвакуационной жизни, сохранились самые теплые воспоминания. На физмате основной предмет – физику преподавали московский профессор Смирнов и его супруга Кузнецова. Курсы высшей алгебры и аналитической геометрии читал доцент Николай Михайлович Бескин. Его лекции считаю образцовыми и идеальными как по содержанию, так и по форме. Историю педагогики преподавал пожилой профессор Шпильберг. Читал хорошо, увлеченно рассказывал о дидактике Яна Амоса Коменского. Но нам, школярам-первокурсникам, не имевшим представления о педагогике, история этой науки давалась туго, а точнее вообще не давалась. Психологию преподавал доцент Валитов. И его фундаментальная наука была слишком сложна для первокурсников. И правильно поступили в последующие годы, когда обе эти учебные дисциплины передвинули на старшие курсы. Кроме наших преподавателей, работавших в группах физиков и математиков, запомнился профессор-биолог Александр Александрович Любичев, приехавший в Киргизию из Киева. Он преподавал и одновременно собирал в окрестностях Пржевальска материал к своей монографии «К методике количественного учета и районирования насекомых». Эта монография, опубликованная в 1958 году, вместе с его многими другими биологическими и научно-публицистическими работами, направленными против догматизма в науке и лысенковщины, получила впоследствии высокую оценку мировой научной общественности.

Вся деятельность Института перестраивалась применительно к условиям военного времени. Изменялись учебные планы, программы, содержание учебных дисциплин. Была введена 42-48-часовая учебная неделя, вместо довоенной 36-часовой. Сокращены продолжительность зимних каникул и время, отводимое на экзаменационные сессии. В

учебные планы включались новые дисциплины военно-прикладного характера: астрономия в военном деле, основы аэродинамики самолетов, военная топография и картография, военное прошлое русского и кыргызского народов и др. В курсах истории Киргизии и кыргызской литературы значительное место отводилось темам патриотического характера. Была разработана новая учебная программа по основам марксизма-ленинизма с включением в нее темы «Великая Отечественная война советского народа». Возобновлено преподавание временно прерванного курса политической экономии. Срок обучения в институте был сокращен с 4-х до 3-х лет. В 1942 году состоялись сразу два выпуска учителей – с третьего и четвертого курсов.

Больше внимания стало уделяться военным занятиям и физическому воспитанию. В предвоенные годы начиналось, а теперь было усилено преимущественное развитие оборонных видов спорта. Военно-физкультурная кафедра подготовила в те годы около 250 младших командиров, снайперов, инструкторов-стрелков, пулеметчиков. Студентов-юношей привлекали к участию в военизированных походах, учебных марш-бросках и т.д. Один из таких маршей был проведен в декабре 1941 г. перед новым годом. Всех ребят, живших в казарме-общежитии, подняли по тревоге часов в 12 ночи и повели по снежной целине в горы мимо села Теплоключенка до курорта Аксу километрах в 15 от Пржевальска. На курорте – получасовой привал и к рассвету возвращение в казарму. Этот незабываемый поход мы выдержали с трудом. Очень пострадало совсем не приспособленное к таким мероприятиям наше «обмундирование» - лоскутная одежда и легкая обувь. Не всем полуголодным студентам оказалась посильной большая физическая нагрузка. Силы поддерживало только сознание того, что в будущей армейской жизни такая закалка будет полезной в соответствии с суворовским принципом «трудно в учении – легко в бою».

Тогда были введены хлебные карточки, гарантировавшие каждому трудящемуся гражданину и студенту получение в магазине по небольшой символической цене 400 граммов хлеба в сутки, а для иждивенцев – 200 . Введены также талоны на приобретение практически всех товаров первой необходимости – от спичек до обуви и одежды. Бурными были заседания нашего профкома, когда приходилось решать, кому выдать талоны на покупку, например, ботинок, если Пржевальский горсовет выделил их всего 3 пары на 577 студентов.

Многие студенты буквально голодали. Помню в Пржевальске худых, шатающихся от истощения студентов Николаевского кораблестроительного института, которые страдали больше нас. Нашим землякам-студентам иногда из дома «подбрасывали» талкан, боорсоки, курт, а «николаевцы» были этого лишены. На стипендию 110 рублей на базаре можно было прикупить не более двух буханок черного хлеба. Чтобы студентам, живущим в общежитии, дать хотя бы один раз в сутки горячий обед, мы долго ходили с парторгом В.В. Липовичем по партийно-советско-профсоюзным инстанциям, добиваясь создания в городе столовой для студентов. (Я включался в эту работу в качестве председателя студенческого профкома). Такая столовая в начале 1942 г. была открыта. К сожалению, предложить студентам там могли лишь жиденький суп, больше похожий на кипяток. Не было топлива. Учились в неотопляемых аудиториях, ночевали в промерзших комнатах солдатских казарм или в помещениях брошенных магазинов.

И студенты, и преподаватели знали, что переживавшиеся лишения временные и вынужденные: страна переживала драматические события, связанные в первую военную зиму с тяжелыми боями под Москвой, а во вторую – с боями под Сталинградом, в которых решалась судьба Отечества. Сознвая это, студенты весной 1942 г. с пониманием отнеслись к обращению партийных и комсомольских органов оказать помощь колхозам и совхозам Иссык-Кульской области в выращивании и уборке урожая. Студенты гуманитарных факультетов выехали на поля совхоза Сан-Таш. Более ста студентов естественного факультета (был и такой факультет, временно объединивший студентов довоенных физико-математического, биологического и географического факультетов) во

главе со студентом третьего курса Георгием Фоминским направили примерно за 30 км от Пржевальска в совхоз Сухой хребет на заготовку сена и уборку пшеницы. Фоминского вскоре призвали в Армию и руководить работой студентов поручили мне.

Работа в совхозе для отощавших студентов была тяжелой, много времени ушло на то, чтобы подкормиться на совхозных харчах, окрепнуть и выполнять непосильные совхозные нормы сельскохозяйственного труда. Наша группа – около 20 человек – располагалась в каком-то брошенном в поле складе, в одной большой комнате с земляным полом и нарами – в одном углу ребята, нас было пятеро, в другом – девушки. В моем распоряжении была лошадь, на которой верхом объезжал студенческие бригады, размещенные на полевых станах в 5-6 километрах друг от друга. Большую часть времени работал вместе со всеми на скирдовании сена и жатве пшеницы, на конных сенокосилках и жатках. Работали в совхозе немногим более 3 месяцев – с конца июня до начала октября.

Вскоре после начала учебных занятий, в ноябрьские дни 1942 года, мы с Азизом - студентом факультета русского языка и литературы, ныне известным философом, действительным членом Национальной академии наук республики - и еще двумя студентами решили тоже пойти в армию добровольно. Мы совершенно искренне думали, что личным участием внесем пусть небольшой, но свой вклад в борьбу с фашистскими захватчиками. Нам было по 17 лет и, хотя уже имели приписные к военкомату свидетельства, по возрасту еще не подлежали призыву в армию и повесток из военкомата не получали. В военкомате мы заявили, что повестки были, но у нас их украли вместе с хлебными карточками. В суматохе, царившей тогда в военкоматах, нам поверили, нашли приписные дела. На следующий день во дворе военкомата постригли, в буфете покормили хлебом и напоили чаем, пешим порядком отправили на городскую пристань. Пароходом доплыли до Рыбачьего, на грузовиках доехали до Быстровки, поездом - до Фрунзе. Здесь, в республиканском военкомате, учитывая, что мы имели неполное высшее образование (закончили первый курс пединститута!), нас распределили по военным училищам. Азиза - в Стрелково-минометное училище в город Термез, меня – во Второе Харьковское танковое училище в Самарканд.

В эвакуации Педагогический институт провел около трех лет...